

Генри Дэйвид Торо
Henry David Thoreau

УДК 82-821
DOI 10.22455/2541-7894-2017-3-459-473

Эльвира ОСИПОВА

«СМОТРИТЕЛЬ ЛИВНЕЙ И СНЕЖНЫХ БУРЬ...»
(К 200-ЛЕТИЮ ГЕНРИ ТОРО)

Аннотация: В эссе, посвященном двухсотлетию американского писателя, речь идет о своеобразии его художественной прозы и публицистики, в которых отразились философские взгляды Торо, в частности, отношение к природе и неконформизм.

Ключевые слова: 200-летие Генри Торо, «Уолден», «О гражданском неповиновении», литература американского романтизма, трансцендентализм, философия природы, неконформизм.

© 2017 Эльвира Филипповна Осипова (доктор филол.наук, профессор; Санкт-Петербургский университет, Россия) elvira.osipova@mail.ru

UDC 82-821
DOI 10.22455/2541-7894-2017-3-459-473

Elvira OSIPOVA

“INSPECTOR OF SNOW-STORMS
AND RAIN-STORMS...”
(ON HENRY THOREAU’S BICENTENARY)

Abstract: The essay, which is a tribute to Henry Thoreau on his bicentenary, focuses on several aspects of his world-view as they are reflected in his treatment of nature and his ethical doctrine of “self-reliance”.

Key words: Henry Thoreau’s bicentenary, “Walden”, “On Civil Disobedience”, American Romanticism, Transcendentalism, philosophy of nature, nonconformism.

© 2017 Elvira Ph. Osipova (Saint-Petersburg State University, Russia; Professor emerita, Doctor Hab. of Philology) elvira.osipova@mail.ru

Двести лет тому назад, 12 июля 1817 года, в небольшом городке Конкорд, штат Массачусетс, родился Генри Дэйвид Торо, писатель, поэт, философ, натуралист.

Современники считали его чудачком: он не стремился ни к какой карьере, вел жизнь отшельника в хижине на Уолденском озере, был противником государства, шел наперекор общественному мнению. Но этот «бакалавр природы», как называл его Эмерсон, был и гражданином — причем в самом высоком смысле слова. Об этом говорят его жизнь и его творчество.

Торо знают в мире как создателя теории гражданского неповиновения — и защитника природы. Его считают своим предтечей участники экологического движения. К идеям Торо обращаются борцы за гражданские права. Среди почитателей писателя были и «затворница из Амхерста» Эмили Дикинсон, чья поэзия дошла до нас лишь в XX веке, и знаменитый поэт Роберт Фрост; писатели Роберт Льюис Стивенсон и Теодор Драйзер, Эрнест Хемингуэй и Сол Беллоу, Торнтон Уайлдер и создатели антиутопий Курт Воннегут и Рэй Брэдбери. Уолденский эксперимент Торо вдохновил многих американцев в середине 1950-х, когда к общественному протесту присоединились битники и близкие им по духу бунтари против социальных условностей.

Созданная писателем моральная утопия не была искусственно рожденной. Она опиралась на жизненный опыт этого необычного человека. Его книга «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854), знаменитые эссе «О гражданском неповиновении» (1849), «Рабство в Массачусетсе» (1854), «Жизнь без принципа» (1863) — свидетельства удивительной смелости, последовательности и прозорливости писателя и философа. Его нравственный идеал включал опрощение, «доверие к себе» (нонконформизм), близость к природе, а также физический труд, дающий человеку здоровье, а художнику — материал для образов и тропов. Ключевое понятие этической философии Торо — «добровольная бедность» (*deliberate poverty*), иначе говоря, «опрощение». Он переосмысливает понятие бедности и богатства, шокирует читателя парадоксами («Богатство человека измеряется количеством вещей, от которых ему легко отказаться»). Жить нужно просто, убеждает нас писатель, — и тогда останется время для чтения и размышлений. Яркой иллюстрацией этого принципа была его жизнь, о которой мы узнаем из воспоминаний современников, дневников писателя, из его книг и эссе.

Свой эксперимент «естественной жизни» Торо начал в 1845 году. Построил бревенчатый домик на берегу Уолденского озера, жил там два года, два месяца и два дня. Выращивал бобы, ловил

рыбу, вел дневник. Писал свою первую книгу о путешествии с братом по рекам Конкорд и Мерримак. Результатом двухлетнего «отшельничества» стал «Уолден, или Жизнь в лесу». Книга представляет собой серию лирических эссе, пейзажных зарисовок, философских рассуждений, объединенных фигурой рассказчика — поэта, знатока и почитателя природы, «ученого» — в том смысле, который вкладывал в это понятие Ральф Эмерсон. Scholar, по Эмерсону, — не просто интеллектуал, но человек, осознающий свою ответственность перед обществом.

В главной книге Торо описана его жизнь на берегу озера, причем автор спрессовывает время своего пребывания «в лесу» до одного года. О содержании книги говорят сами названия глав, такие, например, как: «Где я жил и для чего», «Хозяйство», «Пруд в зимнюю пору», «Звуки», «Одиночество», «Посетители», «Бобовое поле», «Высшие законы», «Зимние животные», «Бессловесные соседи»...

«Уолден» представляет собой апологию простой жизни на лоне природы, вдали от цивилизации. Домик Торо (хотя часто его называют хижинкой), располагался всего километрах в двух от родного Конкорда, а туда он навещался часто — повидаться с родными, отведать домашней еды, поговорить с соседями, узнать новости, так что его отшельничество было весьма относительным. Дело в том, что он успешно сочетал Одиночество на природе со служением Обществу, о необходимости чего писал Эмерсон в эссе «Общество и одиночество» (“Society and Solitude”). В философии писателя эти категории были тесно связаны и находились в диалектическом единстве.

Книга Торо — своеобразный трактат о первичных жизненных потребностях, о том, как человек, не закабалая себя, может обеспечить себе крышу над головой, минимум пищи, одежды и топлива. Истинный философ, считал Торо, должен идти впереди своего века, «он по-иному, не так, как его современники, питается, укрывается, одевается и согревается» [Торо 1962, с. 13]. Аскетический образ жизни, согласно его проповеди, доступен каждому, кто хочет совершенствовать себя. В самом деле, зачем, например, покупать новую одежду, если в старой еще можно молиться Богу? Торо, конечно, эпатировал читателя, и его «наивный идеализм» был риторическим приемом, своеобразным выражением его философии. Среди его конкордских знакомцев были люди, которые, как и он, вдохновлялись принципом «жить просто и думать о высоком» (“plain living and high thinking”). Этим принципом руководствовались Бронсон Олкотт, друг Эмерсона и Торо, основатель колонии Фрутлендс, а также участники знаменитой Брук Фарм,

ставшей прообразом колонии из готорновского «Романа о Блайт-дейле». Торо со сдержанным восхищением писал об Олкотте в главе «Прежние обитатели и зимние гости»: это человек, «для которого самой подходящей кровлей был небесный свод, отражавший его безмятежное спокойствие». По словам Торо, он строил «воздушные замки, для которых на земле не было достойного фундамента» [Торо 1962, с. 172]. И в этих словах не было неодобрения.

Простота — идеал для философа. Но, увы! Идеал не всегда соответствовал представлениям близких, о чем с горьким юмором писала Луиза Мэй Олкотт в воспоминаниях об отце, Бронсоне Олкотте, о его утопическом эксперименте Фрутлендс и о бедствиях семьи (ее небольшая книжка называлась “*Transcendental Wild Oats: a Chapter from an Unwritten Romance*”, 1873). Можно вспомнить и то, как по-разному относились к опрощению Лев Толстой и его семья. Кстати сказать, Торо воспринимал свой уолденский эксперимент скорее как метафору, нежели пример для подражания. В дневнике от 5 ноября 1855 года мы найдем такую запись: «Какой смысл пытаться жить просто, самому выращивать хлеб, ткать одежду, строить дом, топить печь дровами, которые сам заготовил, если люди, с которыми ты связан, в своем безрассудстве хотят иметь и получают тысячу других вещей, которых ни ты, ни они не могут произвести и никто не сможет оплатить? Человек, с которым ты связан родственными узами, подобно быку, постоянно тянет совсем в другую сторону» [Thoreau 1906: 8].

Идеал правильной жизни Торо включал в себя и то, что романтики называли возвышенно — «слиянием с природой». Природа для них была понятием философским, в котором они различали два плана — метафизический и физический (*Natura naturans* и *Natura naturata*). Подобная двойственность взгляда была свойственна и Торо. Он верил, что Природа — воплощение «Сверхдуши», что близость к ней помогает человеку духовно возвыситься, приобщившись к разлитому в ней божественному началу. О природе как воплощении Бога писали все романтики — и европейские, и американские — Брайант, Уиттьер, Купер, Эмерсон (но, замечу я, не Эдгар По). Торо был еще и «натуралистом», художником и исследователем природы. Трудно назвать другого американского писателя, который лучше знал бы природу родного края. Он изучал жизнь и повадки животных, ежедневно, в любую погоду, совершал далекие прогулки по окрестностям Конкорда. Часто делал восемь-десять миль по самому глубокому снегу «ради свидания с каким-нибудь буком или березой, или старой знакомкой из сосен». О его поразительном знании природы сло-

жены легенды, ставшие традиционной чертой облика Торо. Он был своим среди зверей и птиц, рыбы плыли к нему в руки, воробьи и синицы садились на плечи, и это было, в его глазах, более высоким отличием, «чем любые эполеты».

В описаниях природы Торо избегал пафоса и редко использовал возвышенную лексику. Он снижал высокие понятия с помощью шутки, иронии и самоиронии, парадокса. О жизни на Уолдене он говорил, например, так: «Много лет я добровольно состоял смотрителем ливней и снежных бурь ... был инспектором, если не проезжих дорог, то лесных троп, содержал их в порядке [...] Я присматривал за дикими животными [...] поливал бруснику, карликовую вишню, каменное дерево, красную сосну и черный вяз, белый виноград и желтые фиалки, — а то они, пожалуй, погибли бы в засуху» [Торо 1962, с. 4–15]¹.

Местами проза Торо напоминает грубоватую манеру «малых голландцев». Так, в «Уолдене» есть несколько жанровых зарисовок в духе старых голландских мастеров. Особенно хороша юмористическая картинка пьяной пирушки, герои которой — уолденские лягушки, «души давних пьяниц и гуляк, доньне нераскаянные, [которые] пытаются спеть песню в своем Стигийском озере» [Торо 1962, с. 85]. Особенно подкупает то, что Генри Торо приписывал природе простые человеческие свойства, даже отправления организма. По вечерам было слышно, пишет он, как «кряхтел на пруду лед [...] точно ему было неловко в постели и хотелось повернуться на другой бок, точно его беспокоили ветры и дурные сны» [Торо 1962, с. 174]. Торо, в глазах современников, «приземлил» трансцендентализм. В этой приземленности — одна из особенностей его стилистического новаторства.

Излюбленными приемами писателя были парадокс и «списки-перечисления» (последний затем широко применял Уолт Уитмен). «Я никогда не бываю одинок в своей хижине, — писал Торо, — особенно по утрам, когда посетителей не бывает [...] Я не более одинок, чем мельничный ручей, или флюгер, или Северная звезда, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская капля, или первый паук в новом доме» [Торо 1962, с. 90]. Прием литоты, то есть, резкого снижения тона, придает повествованию особую

¹ Отмечу удивительное созвучие образов в этом отрывке с теми, которые мы находим в стихотворении Иосифа Бродского 1964 года: «Смотритель лесов, болот, / новый инспектор туч / (без права смотреть вперед) инспектирует луч / солнца в вечерний час, / не закрывая глаз. // Тает последний сног / выше крыш набекрень. / Стрелочник сонных троп, / бакенщик деревень / стоит на пыльной реке / с коромыслом в руке» [Бродский 2012, с. 241]. На это сходство мое внимание обратил Е.П. Николаев.

прелесть. И, конечно, природа оживает на страницах книги благодаря приему олицетворения. Уолденский пруд — это и символ, и живой сосед Торо.

Устроив свою жизнь в лесу на принципах «экономии», писатель пользовался досугом как философ. Он «хотел жить неторопливо (*deliberately*)», предаваясь размышлениям о Времени, Вечности, Верховных законах и законах природы. Долгие летние часы он проводил «в блаженной задумчивости», в ничем не нарушаемом одиночестве, прислушивался к голосам леса, наблюдал за жизнью животных и растений. Такое времяпрепровождение должно было казаться его соседям праздностью, достойной лишь осуждения. Однако писатель считал иначе. «Если бы меня судили цветы и птицы со своей точки зрения, — писал он, — меня не в чем было бы упрекнуть» [Торо 1962, с. 75].

Торо переосмысливал общепринятые взгляды, возводил в идеал непрактичность и «прекрасные мечты». Кто еще из его современников мог бы сказать так, как Торо говорит о своих философских досугах в «Уолдене»? «В такие часы, — писал он, — я рос, как растет по ночам кукуруза, и они были полезнее любой физической работы. Эти часы нельзя вычесть из моей жизни, напротив, они были мне дарованы сверх отпущенного срока» [Торо 1962, с. 74–75]. В этих словах слышна полемика писателя с идеологом просветительской морали Бенджамином Франклином. Стоит отметить, однако, важное обстоятельство. То, что проповедовал Франклин было рациональным призывом к строительству новой жизни, к социально ответственной деятельности — не только ради собственного блага, но и ради блага общества. Как известно, он изложил свои взгляды в книге под красноречивым названием — «Путь к богатству» (“*The Way to Wealth*”, 1758). Со временем обнаружилось, однако, что на американской почве расцвел культ обогащения — в таких формах, которые идеолог Просвещения вряд ли бы одобрил. Генри Торо — с высоты своего знания о времени и людях — спорит с Франклином. Именно в этом заключался смысл его проповеди. Созерцательность, «неделание», духовное восхождение, идеализация природы представлялись Генри Торо надежными способами противостоять негативным тенденциям века.

Обитатель уолденских лесов остро переживал распространенное среди соотечественников потребительское отношение к природе. Вырубка лесов, широкое строительство железных дорог наносило вред природным ландшафтам, нарушало хрупкий природный баланс. Об истреблении лесов сокрушался еще Джеймс Фенимор Купер в романе «Прерия» (1827). В Америке 1840-х оно

приняло более широкий размах. Торо с тревогой писал о том, как быстро меняется облик земли, как «лысеет» планета. «Разве птицы могут петь, когда вырублены их рощи?» — писал он в «Уолдене». «Улучшать» природу, с его точки зрения — безумие, использовать ее для нужд техники — святотатство и преступление. Мысли американского романтика созвучны тому, что чувствуют наши современники — свидетели бездумного отношения человека к природе.

В философии трансценденталистов особая роль отводилась любви как способу совершенствования человека. Она мыслилась как «восхождение» — от низшей своей формы, любви чувственной, к возвышенной дружбе — а затем к любви, объединяющей людей в Боге. Об этом написаны удивительные по поэтичности эссе Эмерсона «Любовь» и «Дружба», стихи Торо, его эссе, посвященное дружбе и включенное в одну из глав книги «Неделя на Конкорде и Мерримаке». Новоанглийские философы предстают перед читателем как последователи Платона и неоплатоников. По словам исследователя творчества Торо Никиты Покровского, небольшой кружок трансценденталистов объединяло чувство возвышенной дружбы, некое «духовное братство» [Покровский 1995, с. 133]. Генри Торо занимал в этом кружке, пожалуй, особенное место. В его представлении, Дружба (он всегда писал это слово с заглавной буквы) — прекрасный и недостижимый идеал, подобный легендарной Атлантиде.

Приведу несколько отрывков из эссе “Friendship” (оно практически недоступно русскоязычному читателю). «Для Дружбы, — писал Торо, — недостаточно желания дружить и быть человеком добрым, потому что Друзей объединяют не просто общие взгляды, как полагают многие, но общий настрой. Зачем Друзьям заботиться о нашем теле? Это могут сделать и соседи. Вот если бы они позаботились о нашей душе! Но таких людей мало...» [Thoreau 1961: 231]. Торо использует возвышенную лексику для описания таких идеальных отношений между людьми, называет их «редким и божественным общением, подобно общению древних (читай — платоников)»² [Thoreau 1961: 238]. Поэтическое эссе, включенное в текст «Недели...», завершается настоящим гимном Дружбе. Приведу лишь его заключительный аккорд: «Так же, как я люблю природу, пение птиц, вид скошенных полей, течение рек, утро и вечер, лето и зиму, — я люблю тебя, мой Друг» [Thoreau 1961: 246]. Тон этих строк резко контрастирует с тем, как Торо

² «It is not the highest sympathy merely, but a pure and lofty society, a fragmentary and godlike intercourse of ancient date...».

пишет о чувственной любви и необходимости властвовать над страстями. В «Уолдене» (глава «Высшие законы») он высказал удивительную для своего времени мысль о том, что «сексуальная энергия (generative energy) [...] при воздержании является источником силы и вдохновения» [Торо 1962, с. 141]. Не об этом ли значительно позже напишет Фрейд, который ввел понятие сублимации?

В книге Торо-философ задает читателям вопрос: как жить? Задавал он его и себе — и давал ответ всей своей жизнью и творчеством.

Многое из того, что проповедовал уолденский мечтатель, кажется практически неисполнимым. Но кое-что можно — хотя бы частично — претворить в жизнь. Из названных выше принципов утопии Торо один заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. Писатель хорошо видел опасность конформизма, поразившего социальную ткань общества. Несамостоятельность американцев в мыслях и поступках, готовность следовать за политическими демагогами отмечали в свое время Вашингтон Ирвинг и Джеймс Фенимор Купер. Первый изобрел даже специальный термин — «толпократия» (mobocracy). О том, как лечить этот распространенный социальный недуг, задумывались многие. Известный унитарийский проповедник Уильям Эллери Чаннинг возлагал надежды на рост культуры и самоуважения американцев, что, как он верил, «не позволит им быть игрушками в чьих-то руках, слепыми и бездумными фанатиками (blinded partisans and unreflecting tools)» [Channing 1938: 320]. Трансценденталисты — Эмерсон, Олкотт, Торо — говорили о необходимости «доверять себе», иначе говоря, прислушиваться к голосу совести. Именно в этом и заключался смысл знаменитого принципа “self-reliance”, провозглашенного Эмерсоном, а за ним — и Торо. «Если человек не шагает в ногу со своими спутниками, — читаем мы в “Уолдене”, — может быть, это оттого, что ему слышны звуки иного марша? Пусть же он шагает под ту музыку, какая ему слышится, хотя бы замедленную, хотя бы и отдаленную» [Торо 1962, с. 206].

Нонконформизм Торо проявлялся в его политических взглядах и религиозных убеждениях, в подходе к творчеству и в социальном поведении. Само «отшельничество» писателя на Уолдене было выражением его социального протеста. Это был тихий, но значительный по своим последствиям, бунт против государства и его институтов. Генри Торо не боялся нарушить несправедливый закон. Он принимал активное участие в деятельности «подземной железной дороги» — тайной аболиционистской организации, члены которой переправляли беглых рабов в Канаду, помогал беглым

неграм, вопреки принятому Конгрессом закону (Fugitive Slave Act, 1850), согласно которому беглецов следовало возвращать на Юг, хозяевам. Торо укрывал беглецов (что было небезопасно, так как грозило тюремным заключением или крупным штрафом), покупал им билет на поезд и — более того — сопровождал их до следующей станции.

Торо оказывал неповиновение государству и тем, что не платил подушной налог в знак протеста против развязанной правительством войны с Мексикой, за что и оказался в тюремной камере³. Правда, он провел там всего одну ночь. И все же, краткость заключения не умаляет значения его гражданского протеста.

Торо не просто предпочел тюрьму сотрудничеству с государством. Он сформулировал целую программу гражданского сопротивления. В 1848 году писатель произнес речь «Права и обязанности личности по отношению к правительству». Годом позже она была опубликована как эссе — под несколько другим заглавием. В 1865 году это публицистическое произведение получило свое окончательное название — «О гражданском неповиновении» (“On Civil Disobedience”). В нем Торо призывал сограждан к мирному сопротивлению несправедливой власти, к «бескровной революции», говорил о необходимости практиковать «доверие к себе». Именно это эссе читал Лев Толстой — и восхищался его автором [Эстетика 1977, с. 344–345]⁴.

Аннексия Техаса в 1848 году, принятие Конгрессом закона о беглых рабах в 1850-м сделали рабство острой политической проблемой. Многие из тех, кто раньше стоял в стороне, теперь вступили в борьбу. Среди них был и Генри Торо. «Смотритель ливней и снежных бурь» превратился в бунтаря. Он призвал американцев отказаться от лояльности правительству, втянувшему страну в военную авантюру. Более того, предложил согражданам не оказывать этому правительству «финансовой поддержки». Нужно сказать, требовалось большое мужество, чтобы отважиться на такой шаг. Действия правительства поддерживало большинство — и даже многие писатели, например, Джеймс Фенимор Купер. Те, кто, подобно Натаниэлю Готорну и трансценденталистам, войну не одобрял, составляли незначительное меньшинство. В атмосфере шовинизма любой протест против действий правительства воспринимался враждебно.

³ Этот эпизод из жизни Торо послужил сюжетом для пьесы Джерома Лоренса и Роберта Ли «Ночь, которую Торо провел в тюрьме» (1971).

⁴ О впечатлении, которое оно произвело на Толстого, неоднократно писали отечественные ученые. Из последних публикаций на эту тему отметим книгу Г.В. Алексеевой [Алексеева 2010, с. 79–89].

Голос писателя, призвавшего страну к гражданскому неповиновению, прозвучал непривычно громко — и его призыв был услышан современниками, а гораздо позже — потомками. Революция совершится, говорил он, если граждане откажутся поддерживать несправедливое правительство, если они откажутся платить ему подоходный налог. Тогда у властей, рассуждал он, не хватит денег на покупку ружей, из которых американские солдаты убивают мексиканцев.

Торо, конечно, переоценивал значение индивидуального протеста. Он был убежден, что даже смелый голос одиночки может всколыхнуть нацию: «...хорошо знаю, что если бы тысяча, или сто, или [...] десять *честных* людей — или даже *один* честный человек в нашем штате Массачусетс *отказался владеть рабами*, вышел бы из этого сообщества и был бы за это посажен в тюрьму, это означало бы уничтожение рабства в Америке» [Эстетика 1977, с. 344–345]. Откровенной крамолой звучит и его знаменитое высказывание: «При правительстве, которое несправедливо заключает в тюрьму, самое подходящее место для справедливого человека — в тюрьме» [Эстетика 1977, с. 345]. Он верил, что государство вынуждено будет отступить, потому что не посмеет держать всех честных людей в тюрьме.

Проповедь нонконформизма, чем по сути дела и была его речь, имела солидную основу. Торо опирался на аргументы из популярного в Америке трактата Джона Локка о государстве, на теорию общественного договора Руссо. Но главное даже не это. Писатель напомнил согражданам принцип, закрепленный в Конституции США и Декларации независимости, где говорится, что правительство должно «получить санкцию и согласие управляемых». В противном случае народ имеет право на восстание. Опираясь на авторитет Конституции, Торо призвал сограждан к сопротивлению.

Учение о гражданском неповиновении, как сформулировал его Торо, требовало духовной независимости личности в обстановке морального конформизма. В каком-то смысле оно было продолжением и логическим развитием эмерсоновской доктрины «доверия к себе». Подобно Куперу и Эмерсону, Генри Торо понимал ограниченность парламентской демократии, возводившей волю большинства в закон. В одном из своих ранних эссе он замечал, что у коллективного органа нет совести. Совесть есть, писал он, у отдельной личности. Эту мысль он выразил в знаменитой речи 1848 года с большой публицистической силой: «Неужели гражданин должен, хотя бы на миг или в малейшей степени, — говорил он с трибуны Конкорского Лицея, — передавать свою

совесть в руки законодателя? К чему тогда каждому человеку совесть?» [Эстетика 1977, с. 336].

В этой речи он обращался к самым разным людям. В частности, к тем, кто предпочитал добиваться отмены рабства, используя лишь возможности парламентской системы. Он был знаком многими из их числа — Чарльзом Самнером, Томасом Хиггинсоном, Джеймсом Расселом Лоуэллом. Он предложил им и их единомышленникам немедленно прекратить поддержку властей штата Массачусетс — а не ждать, пока составится «большинство в один голос». Выступая в Конкорде, Торо определил свое отношение и к тем, кто считал разговоры об освобождении рабов преждевременными. Массы, утверждали эти люди, не готовы к свободе. Но, возражал он, для свободы нельзя созреть, живя в рабстве. Если мы хотим достигнуть морального прогресса, нужно отпустить рабов на свободу любой ценой, «даже ценой существования американцев как нации». В истории Америки настало время, говорил он, когда личность должна пересмотреть свой договор с государством — и оказать этому государству активное сопротивление.

Метод, предложенный Торо, стал действенным способом выражения социального протеста. В XX веке он лег в основу тактики борцов за гражданские права в США, Индии, Южной Африке. В 1963 году в Бирмингеме (США) тысячи участников демонстраций против сегрегации во главе с Мартином Лютером Кингом с готовностью шли в тюрьмы, ставя в тупик полицию. Примерно полвека до них так же поступали индийцы, жившие и работавшие в Южной Африке и боровшиеся под руководством Ганди за свои права. Позже ту же тактику Ганди применил и в самой Индии. По его признанию, именно Америка и Россия дали ему учителей — в лице Генри Торо и Льва Толстого. Именно у них он нашел теоретическую основу для своей практики ненасильственных действий.

Политические события в США 1850–1854 годов не раз заставляли Торо обращаться к соотечественникам. В День независимости, 4 июля 1854 года, на митинге в местечке Фрамингам он произнес речь, которая была опубликована под названием «Рабство в Массачусетсе». Самим названием он давал понять, что плохо не только южное рабовладение, но и рабство духовное, которое широко распространено на Севере. Материалом для речи послужили обширные дневниковые записи, касавшиеся охоты на беглых рабов в Бостоне в 1851 году. И опять, как и в своем первом обращении к согражданам в 1848 году, он призвал всех честных людей бороться.

Торо обрушился на правительство США, губернатора Массачусетса, верховного судью штата и солдат, послушно исполняв-

ших приказ о поимке и заточении беглого раба Энтони Бернса. Писатель назвал судей «преступниками», а редакторов прорабовладельческих газет — «гноусными тиранами». По поводу бостонской “Herald” Торо разразился особенно резкой тирадой: «Когда я, заворотив манжеты, брал эту газету в руки, я в каждом ее столбце слышал шум сточных вод. Мне казалось, будто я держу в руках бумагу, вынутую из помойной ямы, листок из устава игорного притона, трактира и борделя, вполне созвучного Евангелию биржи» [Эстетика 1977, с. 365]. Но Торо не только бичевал вполне определенный порок (здесь это слово как нельзя более уместно). Он предложил оригинальный — и в то же время простой — способ покончить с растлителями общественной морали. Не покупайте и не читайте газеты, которые занимаются апологией рабства, говорил он согражданам. И в этом уже заключался новый аспект его доктрины гражданского неповиновения.

В бурные пятидесятые годы, накануне гражданской войны в США, Торо произнес речь, влияние которой на умы современников трудно переоценить. Он призвал слушателей поступать в соответствии со своими убеждениями, каковы бы ни были официальные догмы.

Речи Торо в защиту гонимых властью людей являются образцами яркой публицистики, как, например, его выступления в защиту Джона Брауна. В 1859 году писатель не побоялся выступить в одиночку против всех, кто осудил отчаянные действия радикального борца с рабовладением, который с небольшим отрядом вступил в бой с правительственными войсками возле местечка Харперс-Ферри. Приведу два отрывка из его речи, произнесенной накануне казни Джона Брауна. В этом удивительном по публицистической силе выступлении Торо обрушился на правительство, церковь, газеты, даже на аболиционистов, которых шокировала пролитая Брауном кровь. «Едва ли найдется дом, не разделенный сам в себе, ибо наш враг — почти повсеместное одеревенение сердца и мозга, отсутствие в человеке жизненной силы, что является результатом нашего порока. Он порождает страх, предрасудки, ханжество, фанатизм и рабство в различных его проявлениях. Мы лишь фигуры на носу старого, отжившего свой век корабля, а вместо сердца у нас камень. Поклонение кумирам — наше проклятье, оно со временем превращает нас самих в каменных идолов. Современный житель Новой Англии — ничуть не меньший идолопоклонник, чем обитатели древней Индии. Джон Браун был исключением: между ним и его Богом не было посредников. Он не признавал никаких кумиров — даже политических». И еще одна, короткая выдержка, по которой можно судить о рез-

кости его тона: «Никто, кроме его [Джона Брауна] бойцов, не был готов выступить против угнетателей. Поистине, для виселицы были отобраны самые лучшие. То была самая высокая честь, которой их могла удостоить родина. Они созрели для ее виселицы. Она вешала многих, пытаясь казнить самых лучших. И только на этот раз попала в точку» [Торо 1990, с. 233–234, 244]⁵.

После восстания Джона Брауна Торо помог бежать его сподвижнику Ф. Мерриаму, а позже принял участие в спасении аболициониста Фрэнка Сэнборна, которого власти собирались арестовать. Так «одинокий мечтатель» с берегов Уолдена, подобно древнему Давиду, бесстрашно вступил в бой с великаном, имя которого — американское государство.

Неотъемлемой частью философии Торо, проявлением нонконформизма было его религиозное бунтарство. Подобно Толстому, он придерживался принципов «естественной религии», не верил в необходимость посредников между человеком и Богом. Это было настоящим вызовом устоявшимся представлениям. Инвективы Торо из его первой книги, «Неделя на Конкорде и Мерримакке», имеют форму парадоксов: «Сейчас больше всего неверующих среди тех, кто молится, соблюдает субботу и ремонтирует храмы»⁶; «Нет такой книги, которую читали бы меньше, чем Новый Завет». О резкости его суждений можно судить и по следующей цитате: «Церковь — нечто вроде лечебницы для человеческих душ. В ней столько же шарлатанства, сколько в больницах, где лечат наши тела» [Thoreau 1961: 70, 73.].

Бунт Торо против господствующей религии (institutionalized creed), по словам немецкого исследователя Джозефа Шеппа, стал протестом против «застоя, окаменения, смерти-при-жизни» [Schoepp 2000: 100]. Это сильные и точные слова. Примерно через полвека сходный по значению философский протест прозвучит из Ясной Поляны. Лев Толстой в статье «Что такое религия и в чем сущность ее?» (1901) говорил о «подлинно религиозных людях», которые проводят свои дни в изгнании, в тюрьмах и дисциплинарных батальонах. Он обратился к молодежи со страстной проповедью нонконформизма, чем по сути была его статья «Верьте себе». Имя Торо было хорошо известно Льву Николаевичу Толстому. Об этом свидетельствуют его статьи и его последний роман «Воскресение», герой которого, Нехлюдов, вспоминал слова американского писателя. Приведу их еще раз (в переводе 1898 го-

⁵ Здесь и ниже — перевод мой. — Э.О.

⁶ «There is no infidelity nowadays so great as that which prays and keeps the Sabbath, and rebuilds the churches».

да): «“Единственное место, приличествующее честному гражданину в том государстве, в котором узаконивается и покровительствуется рабство, есть тюрьма”. Точно так же думал Нехлюдов — особенно после поездки в Петербург и всего того, что он там узнал» [Толстой 1928–1958, т. 32, с. 304].

Переключка двух великих писателей — важный факт культурного диалога России и Америки.

* * *

Торо умер в Конкорде 6 мая 1862 года в возрасте 44 лет. Он прожил короткую и яркую жизнь. Незадолго до смерти он приветствовал начало вооруженной борьбы Севера с Югом, целью которой была отмена рабовладения. О судьбе писателя и его творческого наследия в двадцать первом веке можно сказать коротко. Защитник природы и создатель теории гражданского неповиновения, Генри Дэвид Торо и сейчас воспринимается как наш современник.

ЛИТЕРАТУРА

[Алексеева 2010] — Алексеева Г.В. Американские диалоги Льва Толстого (по материалам личной библиотеки писателя). Тула: Издательский Дом «Ясная Поляна», 2010.

[Бродский 2012] — Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Изд-во «Вита Нова», 2012.

[Покровский 1995] — Покровский Н. Ральф Уолдо Эмерсон. В поисках своей вселенной. Конкорд, шт. Массачусетс (США): Центр американских исследований, 1995.

[Толстой 1928–1958] — Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Худож. литература, 1928–1958.

[Торо 1990] — Торо Г.Д. Речь в защиту капитана Джона Брауна / Сделать прекрасным наш день... Публицистика американского романтизма. М.: Прогресс, 1990.

[Торо 1962] — Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу / пер. З.Е. Александрова. М.: Изд-во АН СССР (Серия «Литературные памятники»), 1962.

[Эстетика 1977] — Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977.

[Channing 1938] — Channing, W.E. “On the Elevation of the Laboring Classes.” *Essays English and American. The Harvard Classics*. New York: P.F. Collier & Sons Corporation, 1938: 311–367.

[Schoepp 2000] — Schoepp J. “Time and the River: Thoreau’s ‘A Week on the Concord and Merrimack Rivers’ as a Passageway into Nature and History.” *Rivers in American Experience*, ed. by Jerzy Durczak. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University press, 2000: 95–108.

[Thoreau 1961] — Thoreau H.D. *A Week on the Concord and Merrimack Rivers*. New York: A Signet Classic, 1961.

[Thoreau 1906] — Thoreau H.D. *The Writings*: in XX vols. Vol. XIV. Boston: Houghton Mifflin, 1906.

REFERENCES

Alekseeva, G.V. *Amerikanskie dialogi L'va Tolstogo (po materialam lichnoi biblioteki pisatel'ia)*. Tula: Izdatel'skii Dom «Iasnaia Poliana» Publ., 2010.

Brodskii, I. *Stikhotvoreniia i poemy*. Vol. 2. St.-Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma publ.; Izd-vo «Vita Nova» publ., 2012.

Channing, W.E. "On the Elevation of the Laboring Classes." *Essays English and American. The Harvard Classics*. New York: P.F. Collier & Sons Corporation, 1938: 311–367.

Estetika amerikanskogo romantizma. Moscow: Iskusstvo publ., 1977.

Pokrovskii, N. *Ralf Uoldo Emerson. V poiskakh svoei vselennoi*. Concord, MA: Tsentr amerikanskikh issledovaniĭ publ., 1995.

Schoepp J. "Time and the River: Thoreau's 'A Week on the Concord and Merrimack Rivers' as a Passageway into Nature and History." *Rivers in American Experience*, ed. by Jerzy Durczak. Lublin: Maria Curie-Sklodowska University press, 2000: 95–108.

Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literature publ., 1928–1958.

Thoreau H.D. *A Week on the Concord and Merrimack Rivers*. New York: A Signet Classic, 1961.

Thoreau H.D. *The Writings*: in XX vols. Vol. XIV. Boston: Houghton Mifflin, 1906.

Toro, G.D. "Rech' v zashchitu kapitana Dzhona Brauna." *Sdelat' prekrasnym nash den'...* *Publitsistika amerikanskogo romantizma*. Moscow: Progress Publ., 1990.

Toro, G.D. *Uolden, ili Zhizn' v lesu*, transl. Z.E. Aleksandrova. Moscow: Izd-vo AN SSSR (Ser. 'Literaturnye pamiatniki'), 1962.